

ОГЛАВЛЕНИЕ

8 ВВЕДЕНИЕ

15 ЗАГАДОЧНЫЙ ЦВЕТ. ОТ НАЧАЛА НАЧАЛ ДО XI ВЕКА

Видели ли древние греки
зеленый цвет? 17

Зеленый цвет в Древнем Риме 25

Изумруд и порей 31

От ипподрома к политике:
Зеленые против Синих 38

Цвет, о котором молчат
Библия и Отцы Церкви 43

Промежуточный цвет 48

Зеленый цвет ислама 54

59 КУРТУАЗНЫЙ ЦВЕТ. XI–XIV ВЕКА

Красота зеленого 60

Место зеленого: сад 65

Время зеленого: весна 71

Юность, любовь, надежда 78

Рыцарский цвет 86

Герой в зеленом: Тристан 93

97 ОПАСНЫЙ ЦВЕТ. XIV–XVI ВЕКА

Зеленый бестиарий Сатаны 98

От зеленого к бледно-зеленому 104

Ужасный Зеленый рыцарь 110

В мастерской красильщика 116

«Веселый зеленый»
и «унывный зеленый» 123

Зеленый цвет
глазами геральдиста 127

Цвета в воображении поэта 134

139 ВТОРОСТЕПЕННЫЙ ЦВЕТ. XVI–XIX ВЕКА

Оттенки протестантской морали 140

Зеленый цвет живописцев 144

Новые знания, новые классификации 151

Банты на костюме Альцеста
и зеленый цвет в театре 156

Суеверия и сказки 162

Зеленый цвет в век Просвещения 169

Зеленый — цвет романтизма? 173

181 УМИРОТВОРЯЮЩИЙ ЦВЕТ. XIX–XXI ВЕКА

Модный цвет 182

Возвращение на палитру художников 188

Шеврёль и ученые не любят зеленый... 192

...Кандинский и Баухаус — тоже 197

Зеленый в повседневной жизни 202

Природа в сердце городов 207

Зеленый цвет сегодня 214

221 ПРИМЕЧАНИЯ

244 БИБЛИОГРАФИЯ

И сказал Бог: да прорастит земля зелень, траву,
сеющую семя, по роду и подобию ее, и дерево
плодовитое, приносящее по роду своему плод,
в котором семя его на земле: и стало так.
И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду
и по подобию ее, и дерево, приносящее плод, в котором
семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо.
И был вечер, и было утро: день третий.

Бытие, I, 11–13

ВВЕДЕНИЕ

Любите ли вы зеленый цвет? В наши дни ответы на этот простой вопрос звучат по-разному. В Европе только один из шести опрошенных называет зеленый своим любимым цветом, а почти десять процентов не выносят этот цвет или считают, что он приносит несчастье. Зеленый представляется двойственным, или даже двусмысленным, цветом: с одной стороны, он символизирует жизнь, удачу, надежду, с другой — хаос, яд, дьявола и всех его тварей.

В нижеследующих главах я попытался проследить долгую социальную, культурную и символическую историю зеленого в обществах Западной Европы от Древней Греции до наших дней. В течение длительного времени зеленую краску было сложно производить и еще сложнее закреплять, поэтому зеленый цвет стал символом не только растительности, но также и судьбы. Химически непрочный, как в красках для живописи, так и в бытовых красителях, он в течение долгих веков ассоциировался со всем изменчивым, недолговечным, мимолетным: детством, любовью, надеждой, удачей, игрой, случаем, деньгами. Только в эпоху романтизма зеленый стал — и до сих пор остается — цветом

природы и, соответственно, цветом свободы, а впоследствии — еще и цветом здоровья, гигиены, спорта и экологии. Его история в Западной Европе — отчасти история переоценки ценностей. Долгое время он был редким, нелюбимым или даже презируемым цветом, сегодня же ему поручена невыполнимая миссия — спасти планету.

Настоящая книга является третьей частью серии работ по истории цвета. Две предыдущие, «Синий. История цвета» (2000) и «Черный. История цвета» (2008), были также впервые опубликованы в издательстве Éditions du Seuil. Планируется выход еще двух томов, посвященных красному и желтому. Данная работа, как и предыдущие, построена по хронологическому принципу: это история зеленого, а не энциклопедия зеленого, и уж тем более не исследование о месте зеленого в современном обществе. Это книга по истории, которая изучает зеленый начиная с глубокой древности и во всех аспектах. Слишком часто работы по истории цвета — по правде говоря, их немного — посвящены только сравнительно недавним эпохам и только одной сфере жизни — искусству. Такое ограничение области исследования неправомерно. История цветов не дублирует историю живописи, это нечто иное, нечто гораздо более масштабное.

Как и обе предыдущие книги, эта работа обладает лишь внешними признаками монографии. Любой цвет не существует сам по себе, он обретает смысл, «функционирует» в полную силу во всех аспектах — социальном, художественном, символическом — лишь в ассоциации либо в противопоставлении с одним или несколькими другими цветами. По этой же причине его нельзя рассматривать обособленно. Говорить о зеленом значит — неизбежно — говорить о синем, желтом, красном и даже белом и черном.

Эти три книги — и те две, что последуют за ними, — должны стать кирпичиками в здании, строительством которого я занимаюсь уже более полувека: истории цвета в западноевропейских обществах от Античности до XIX века. Даже если, как мы увидим на последующих страницах, я по необходимости буду заглядывать в более далекие и более близкие к нам эпохи, мое исследование будет разворачиваться именно в этих (уже достаточно широких) хронологических рамках. Оно также будет ограничиваться обществами стран Западной Европы, поскольку, на мой взгляд, проблемы цвета — это прежде всего проблемы общества. А я, как историк, не обладаю достаточной эрудицией для того, чтобы рассуждать о всей планете, и не имею желания переписывать или пересказывать с чьих-то слов работы ученых, занимающихся неевропейскими культурами. Чтобы не городить чушь, чтобы не красть у коллег, я ограничиваюсь тем материалом, который мне знаком и который четверть века был темой моих семинарских курсов в Практической школе высших исследований и в Высшей школе социальных наук.

Попытаться создать историю цвета, даже в отдельно взятой Европе, — дело не из легких. А точнее, невероятно сложная задача, за которую до недавнего времени не решались взяться ни историки, ни археологи, ни специалисты по истории искусства (в том числе и живописи!). Их можно понять: на этом пути их ждало — и все еще ждет — немало трудностей. Об этих трудностях стоит сказать в предисловии, поскольку они — важная часть сюжета нашей книги и помогут нам понять, почему мы еще столь многого не знаем. Тут, скорее, чем где-либо, стирается грань между историей и историографией.

Упомянутые трудности бывают трех типов. Во-первых, это проблемы идентификации. Мы видим объекты,

изображения, произведения искусства и памятники прошлых веков не в их первоначальном цветовом решении, а такими, какими их сохранило для нас время. Иногда разница между их тогдашним и теперешним цветами бывает огромной. Как тут быть? Надо ли их реставрировать, любой ценой возвращать им первоначальный цвет? Или стоит признать, что воздействие времени само по себе является фактом Истории? Не забудем и о том, что сегодня мы видим цвета, пришедшие из прошлого, при свете, не имеющем ничего общего с условиями освещения, существовавшими в Античности, в Средневековье или в раннее Новое время. Свет от факела, масляной лампы, свечи или газового рожка несравним с электрическим. Факт, казалось бы, очевидный, но кто из нас вспоминает об этом при посещении музея или выставки? Какой историк учитывает это в своих работах? И еще о проблемах идентификации: за долгие десятилетия исследователи привыкли изучать объекты, произведения искусства и другие памятники прошлого по черно-белым изображениям — сначала гравюрам, потом фотографиям. И со временем это повлияло на их мышление и восприятие. Работая с документами, книгами и репродукциями, где изображения были преимущественно черно-белыми, они постепенно стали воспринимать прошлое как мир, в котором цвет полностью отсутствовал.

Следует упомянуть и о трудностях методологического порядка. Зачастую историк цвета оказывается в тупике, пытаясь понять роль и принцип действия цвета в том или ином изображении, объекте или произведении искусства. Перед ним встает множество разнообразных проблем — технических, химических, иконографических, идеологических, связанных со свойствами материалов и с символикой. Как нужно строить исследование?

Какие вопросы задавать и в какой очередности? Ни один исследователь, ни один научный коллектив до сих пор не предложил приемлемую шкалу измерений, которой могло бы пользоваться все научное сообщество. А в отсутствие четких параметров исследования любой ученый — не исключая и меня самого — склонен выбирать из многообразия фактов только то, что необходимо для подтверждения выдвигаемой им теории, и игнорировать все то, что заставляет в ней усомниться. Такой подход нельзя не назвать порочным.

Третий тип трудностей — гносеологического порядка. Мы не можем применять к изображениям, памятникам и предметам, созданным в прошедшие века, наши современные определения, концепции и классификации цвета. У обществ прошлого эти критерии были иными (а у будущих обществ появятся свои). Сказанное относится не только к категориям науки, но и к особенностям восприятия: например, глаз древнего или средневекового человека воспринимает цвета и цветовые контрасты иначе, нежели глаз человека XXI века. В любую эпоху зрительное восприятие — это феномен культуры. Вот почему при исследовании артефакта историк постоянно рискует допустить анахронизм, особенно если дело касается цветового спектра (который был открыт только в XVII веке), разделения цветов на основные и дополнительные, закона контрастов, будто бы существующих физиологических и психологических проявлений воздействия цвета. Наши сегодняшние знания, особенности восприятия, общеизвестные «истины» — не такие, какими были вчера и какими станут завтра.

Все эти идентификационные, методологические и гносеологические трудности показывают нам, что вопросы, связанные с цветом, нельзя изучать за рамками

определенного культурного контекста. Для историка, так же как, впрочем, и для социолога и антрополога, цвет — прежде всего социальное явление, а не какое-то там особое вещество или частица света, и тем более не ощущение. Именно общество «производит» цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, вырабатывает для него коды и ценности, регламентирует его применение и его задачи. Вот почему история цвета должна быть прежде всего историей общества. Если мы не признаем это, то можем легко скатиться к примитивному нейробиологизму или увязнуть в околonaучных рассуждениях.

Чтобы выполнить свою миссию, историк цвета должен проделать двойную работу. С одной стороны, ему нужно смоделировать то, что могло быть миром цвета для различных обществ, предшествовавших нашему, включив в свою модель все составляющие этого мира — лексику и подбор названий, химию красок и разнообразную технику окрашивания, регламентацию ношения одежды и коды, которые лежат в основе такой регламентации, место, отводимое цвету в повседневной жизни, декреты правителей, наставления духовных лиц, теории ученых, творения художников. Областей для сбора и анализа данных очень много, и всюду возникают самые разнообразные вопросы. С другой стороны, погрузившись в прошлое и замкнувшись в пределах одной-единственной культуры, историк должен выяснять причины изменений и исчезновений, исследовать инновации или взаимопроникновения, которые имели место во всех аспектах существования цвета, доступных исторической науке.

При таком двустороннем исследовании нельзя пренебрегать никакими фактами — ведь цвет по сути пронизывает собой весь комплекс жизненных явлений, все виды деятельности. Но есть сферы, где поиск оказыва-

ется особенно успешным. Например, лексика: история слов неизменно обогащает наши знания о прошлом обширной и полезной информацией; если речь идет о цвете, она наглядно показывает нам, что в любом обществе изначальная функция цвета — классифицировать, метить, оповещать, вызывать ассоциации с чем-либо или противопоставлять чему-либо. Другой источник сведений — история красильного дела, тканей и одежды. Ведь именно в этой области, даже более, чем в сфере художественного творчества, одна группа проблем — вопросы химии, технологии, свойства материалов — теснее всего связана с другой — с проблемами социальными, идеологическими, с вопросами символики.

Лексика, ткани, красильное дело — когда речь заходит о цвете, поэты и красильщики могут рассказать нам ничуть не меньше, чем живописцы, химики и физики. История зеленого цвета в западноевропейских обществах в этом смысле является показательной.